

Режиссер Марк Вайль в интервью — «Газете»

«Я стал человеком мира, и все тут»

В этом году исполняется 30 лет знаменитому русскоязычному театру «Ильхом», который был создан в Ташкенте в конце брежневских времен режиссером Марком Вайлем. По всем законам — творческим, политическим, каким угодно — театр, казалось бы, должен был уже много раз прекратить свое существование. Но, несмотря ни на какие катаклизмы и распад СССР, «Ильхом» находится сегодня в прекрасной форме, что и доказали гастроли театра на сцене Центра имени Мейерхольда. Сыграв здесь три спектакля, «Ильхом» продолжил свое мировое турне. До конца юбилейного года будут сыграны спектакли в Вене, Лондоне, Америке и Японии. Перед тем как отбыть на Запад, основоположник «Ильхома» Марк Вайль дал интервью корреспонденту «Газеты» Глебу Ситковскому.

Тот факт, что русский театр, основанный в Ташкенте 30 лет назад, дожил до 2006 года, пережив даже распад Союза, уже сам по себе вызывает удивление. Это, видимо, сверхвезение у вас такое особое, что ли?

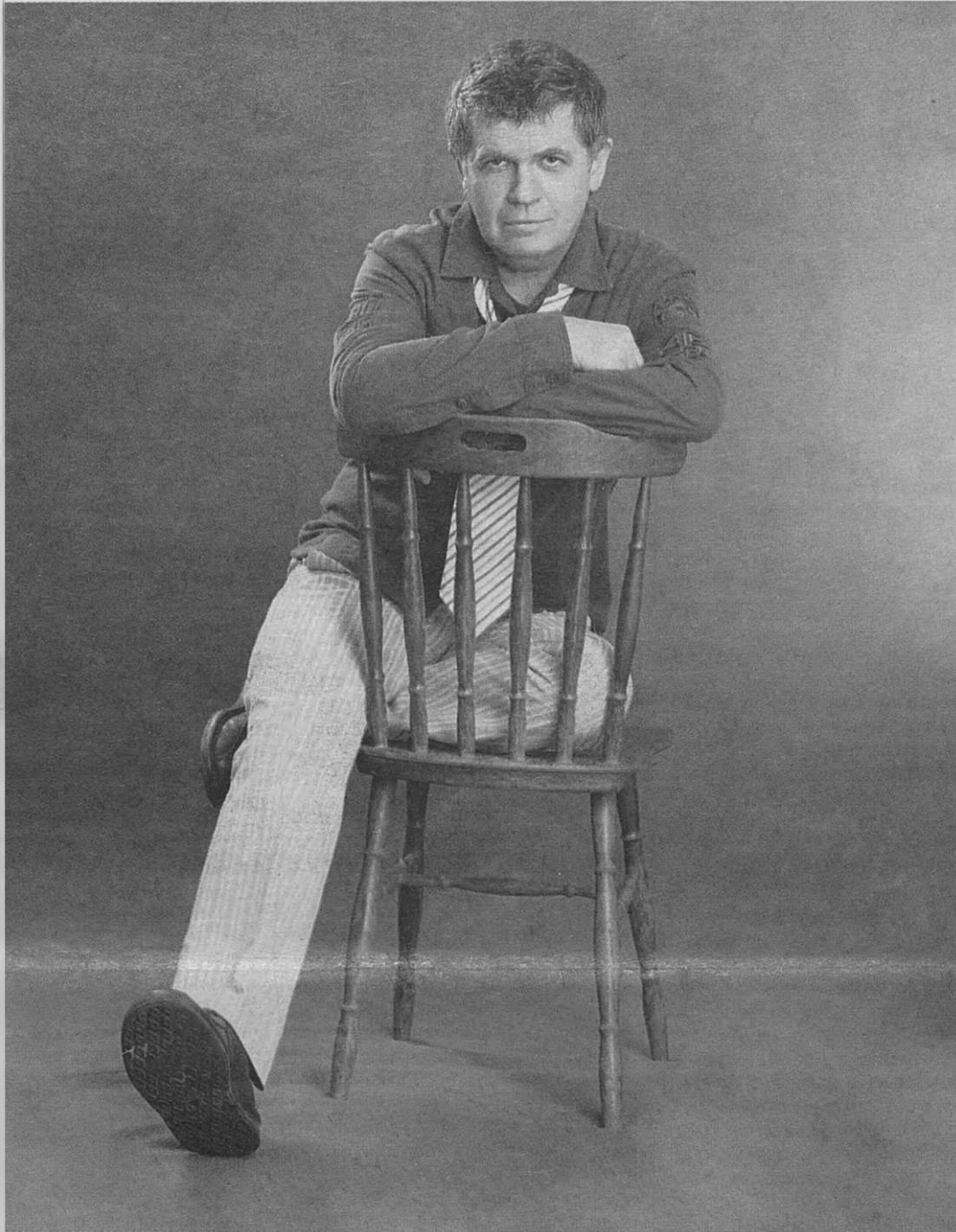
Нет, это не везение, скорее закон сохранения энергии. Если ты создал какую-то творческую «воронку» и она действительно пропитана какой-то реальной энергией, то это уже никуда не денется, несмотря ни на что. Но, конечно, она может существовать только там, где была первоначально создана. Ясно, что в каком-нибудь гиблом месте, мертвом пространстве, странном городе этого не произойдет. Но если она уже создана, то сила, существующая в ней, будет долго хранить ее. Это как ядерная реакция, период которой не исчерпывается одним днем — она длится десятилетия. Я могу объяснить это только так. Мне кажется, у меня объективный взгляд на вещи, потому что я смотрю на это как бы со стороны. Семья живет в Сиэтле, я сам мотаюсь между Москвой, Западом и Ташкентом и со стороны вижу, что какая-то сила сохранила театр. Одним только везением это не объяснить.

Да, но были и мощные внешние силы, которые работали против театра. Получается, что «Ильхом» оказался прочнее Советского Союза?

Однозначно все работало против нас. Рождение театра за 10 лет до перестройки — это уже само по себе испытание. Пережить перестройку — это тоже испытание. В этот момент многие театры потеряли свой смысл.

Если сегодня посмотреть на этот тридцатилетний отрезок, то в какие моменты театру в наибольшей степени угрожал распад?

Первый такой момент — после первых гастролей «Ильхома» в Москве в 1983 году. Вся идеологическая машина ЦК КПСС была запущена против нас. У властей была чуть ли не паника. Как это? Откуда? Почему профессиональный театр вне системы? А мы-то сами ведь понятия не имели, что

мы вне системы, пока не приехали в Москву. Просто здесь, в Москве, к 80-м годам все вновь созданные театры уже как-то легализовались, а про нас никто и понятия не имел, пока мы сюда не приехали. Ведь что получается? В 50-е годы появился «Современник», в 60-е — Таганка, а в 70-е — «Ильхом», но уже вне Москвы. Потому что в брежневское время здесь уже ничего не рождалось и не могло родиться. Было полное недоумение со стороны демичевского Министерства культуры, нам запретили играть все, что не имело цензурного штампа. А у нас в то время почти весь репертуар состоял из незалитованных названий — Злотников, Петрушевская, Разумовская, вся «новая волна», заканчивая Алексеем Шипенко, которого в Москве начали ставить много позже. И все без «лита». Тогда мне казалось: все, кранты. Я уже, честно говоря, мысленно прощался с театром. А второе прощание с театром было у меня в конце 80-х — начале 90-х, когда национализм в Узбекистане достиг пика. Черные вороны кружили над городом, толпы людей бродили повсюду, и я встречал детей у школы, чтобы довести их до дома, потому что было слишком опасно.

Что за черные вороны такие?

Я называл их черными воронами. Это был исламский фунда-

ментализм, помноженный на националистическую политику. На тот момент национализм и религия слились, и это была страшная история. Нас спасло только то, что у нас были зарубежные гастроли, мы все время вырывались из Узбекистана, и нас часто там просто не было. В 91-м году в Нью-Йорке играли только два театра из бывших национальных республик Советского Союза — Някрошюс и «Ильхом». Так мы и крутились по миру, пока в 1994—1995 году в Узбекистане все не успокоилось. Тогда мы поняли, что каким-то чудом выжили, и тут же решили создать свою Школу драматического искусства. Но одновременно мы в тот момент осознали, сколько же за эти годы потеряли. В этот момент отъехали просто десятки людей из театра — и педагогов, и актеров, и студентов. И Тимур Бекмамбетов, и Джаник Файзиев — все в тот момент покинули «Ильхом». Честно говоря, я был полон пессимизма. Начались мои работы на Западе, в Москве, и старые ильхомовцы, мягко говоря, просто заставили меня набрать новую школу. Они сказали мне: подумай о нас, пускай хоть мы здесь что-то продолжим. И здесь, я считаю, произошло чудо. В тот момент в государственном театральном институте просто было прекращено обучение на русском языке.

Но когда мы объявили прием в нашу школу, пришло громадное число людей. Даже здесь, в Москве, в начале 90-х годов упал конкурс до 4—5 человек на место, чего никогда не было в театральных вузах. А у нас было 10 человек на место! Можете себе представить?

Откуда же они взялись, если в то время был такой массовый исход русских из Узбекистана?

Мне все время приходится напоминать, что такое Ташкент. Это же фактически четвертый город по численности населения в бывшем Советском Союзе после Москвы, Ленинграда и Киева. Три миллиона. Какой бы отток населения в то время ни произошел, но есть закон трехмиллионного города. Ну 100 тысяч уехало, ну 300 тысяч, но не миллион же. Город стал сам регенерироваться. Вымирают маленькие городки, но не мегаполисы. Сработал закон большой величины. Родилось новое поколение молодых русскоязычных людей, которых вы сегодня видите на сцене. Девиз этого театра всегда был «Восток — Запад», и к нам теперь пришло новое билингвистическое поколение. Это такие среднеазиатские американцы, если хотите, поднявшиеся над конкретными национальностями и сформировавшие какую-то новую общность.

Где вы учились? Кого считаете своими главными учителями?

В Ташкенте театральный институт был создан из родственников безродных космополитов, высланных из Москвы в 1948 году. Это были люди, которые тогда потеряли всякую возможность работать в Москве. А среди них были прямые ученики Мейерхольда, Станиславского, Вахтангова, Радлова... То есть это был настоящий цветник. Плюс какие-то люди, оставшиеся в Ташкенте после эвакуации. К счастью, я их застал. Поэтому свое первоначальное образование, которое, как потом выяснилось, было мощнейшим (тогда я воспринимал это как норму), я получил из первых рук, не выезжая из Ташкента. Далее я был стажером у Товстоногова. Закончил двухгодичные Высшие режиссерские курсы. И так как моя специальность называлась «режиссер театра и телевидения», я работал с Таганкой, которая в тот момент делала свои первые телевизионные проекты. Ну и что-то я, видимо, потом догонял сам, несмотря на то что у меня были первоклассные учителя.

Удивительно, что за эти 30 лет вы так и не покинули «Ильхом». Как правило, человек, состоявшийся где-то на периферии Советского Союза, очень быстро перебирается в Москву. Вас же ведь наверняка не раз звали туда.

Да, такие предложения шли бесконечно. Театр Моссовета уже после первых гастролей «Ильхома» в 1983—1984 году предлагал мне стать очередным режиссером, но этого не случилось. Где-то в 1987 году меня прочили в главные режиссеры Нового драматического театра, дальше было предложение от Московского театра Станиславского. И так далее.

Почему же вы отвергали эти предложения?

Потому что держал «Ильхом». Он все время выдавал качество. Это был экспортный театр, и мы никогда не замыкались только на Ташкенте. Ни один мой московский спектакль не объездил полмира. Если в мире меня кто-то и знает, то только по моим ташкентским спектаклям. И кроме того, есть какая-то ответственность перед людьми. Одно дело, если главный режиссер периферийного театра сменил должность и перебрался в столицу. У меня же другая история: я создал этот театр. Вспомните, насколько болезненным был переход Олега Ефремова из «Современника» во МХАТ. Хотя это был переход всего лишь в рамках одного мегаполиса. Если бы я понимал, что исчерпал себя в работе со своими учениками, то тогда конечно. Но мы все время создавали новые программы, «Ильхом» все время развивался. Так что мой случай — это вариант не карьеры, а сохранения своего дома. Я никогда не чувствовал себя обделенным, что не работаю в Париже, в Нью-Йорке или Сиэтле. Я стал человеком мира, и все тут.

25.04.06
Вайль Марк (режиссер)